

УДК 37.013
ББК 74.02

ВАЛЕЕВА Е.В.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Универсальные образовательные метафоры становятся призмой, через которую можно рассматривать единый образовательный Текст. Образование — это культурно-историческая индустрия, формирующая для нужд общества определенный тип человека. В статье рассматриваются универсальные метафоры: «образовательная прогулка», «молитвенный труд», «просветительское путешествие», «производственная мастерская», «гамельнский крысолов», которые являются полезным инструментарием для изучения и оценки изменения и преемственности в культурно-исторической индустрии.

Ключевые слова: образовательный Текст, универсальные образовательные метафоры, культурно-историческая индустрия.

Социально-психологический контекст эпохи оказывает заметное влияние на функционирование системы образования, поскольку формирует стиль мышления и идеологию, определяет содержание образовательных технологий и их продуктивность, выполняет адаптационную роль, снимая конфронтацию полярных идей. «Историю образования можно представить как универсальный Текст формирования человека, который состоит из античности, Средневековья, Просвещения, XIX, XX века и современности. Выделенные периоды представляют собой определенные этапы смены образовательных парадигм внутри единого образовательного Текста» [2, с. 96].

Метафоризация становится необходимой техникой когнитивного моделирования и рассматривается как источник оптимизации процедуры интерпретации образовательного Текста. Статус образовательного Текста определяется на связи имманентных и трансцендентных идей, которые более всего сконцентрированы в метафоре Текста. Метафоры позволяют осуществить входы в каналы образовательной реальности «на все времена». Такими универсальными метафорами можно назвать античную «образовательную прогулку», средневековый «молитвенный труд», «образовательное путешествие», сформировавшееся в эпоху Просвещения, «производственную мастерскую» XIX в., метафору «гамельнского крысолова».

«Образовательная прогулка»

Метафора «образовательная прогулка» предполагает обращение к диалектике, предметом которой является изменение и взаимодействие разных педагогических технологий, развивающих человека физически и духовно. Гармонизация тела и души понималась греками как важнейшая дидактическая задача.

В формировании полисной идеологии «образовательная прогулка» играет определенную роль. Во-первых, полисная идеология — это то, что на современном языке можно назвать региональной идеей. Любовь к родным местам и гордость за принадлежность к числу

граждан полиса составляет античную идею патристического воспитания. Накопленный греками опыт свидетельствует: воспитание никогда не бывает свободно от культурного контекста, хотя эта зависимость бывает разной. В-третьих, античное полисное образование актуализирует настоящее, объясняет и примиряет с ним человека. В-четвертых, античное педагогическое наследие намечает еще одну стратегию в воспитательной работе — это формирование исторической перспективы личности, четкое понимание своих корней, укорененности в определенном регионально-историческом аспекте, соотнесенности с другими и остальном миром, т. е. это воспитание средой.

Так, «образовательная прогулка» — это технология формирования героя (гражданина), имеющего представление о долге, ощущающего себя со своим народом, почитающего традиции и живущего настоящим.

«Образовательная прогулка» как педагогическая технология включает в себя: движение, соревнование, диалогику — важнейшие средства формирования пластичности мышления. Античная концепция воспитания выдвигает проблемы, сходные с теми, которые есть и сегодня:

- разлад в душе человека, не умеющего прийти к согласию духа и плоти, не осознающего своей цельности;
- диалогизация сознания личности, вместо которой образование то обращается к коллективизации, то заменяет ее индивидуализацией, не выдвигая диалогику как ближайшую стратегию при формировании человека;
- движение, которое принимает то внешние, то внутренние формы, порождает свои технологии (прогулку, соревнование, игру, смену деятельности и т. д.), эти идеи наследуются и обогащаются в эпоху Ренессанса.

«Молитвенный труд»

В Средние века античная педагогика пересмотрела свое отношение к предшествующей традиции. Полного отрицания богатейшего античного наследия не было, в том числе и в сфере образования, в действительности

происходила адаптация античной культуры к христианской доктрине. Интертекстуальность средневекового образовательного пространства — это особое качество, свойство, которое проявляется в процессе его интерпретации путем включения фрагментов образовательного текста античности, как словесных, так и невербальных. «Молитвенный труд» (как и всякая метафора) — многоуровневое явление, поскольку в самой его структуре заложен вектор движения от одного смыслового поля к другому, наиболее глубинному. Это концентрическая когнитивная модель, представляющая несколько вписанных друг в друга кругов. Внутренний круг — это смысловое ядро, заложенное в понятиях «молитва» и «труд». Следующий круг (средний) включает в себя инструментальные характеристики средневекового образовательного текста. Внешний круг охватывает актуальные для современности значения.

Гносеологическая сущность метафоры «молитвенный труд» заключается в определении связей между внешне, казалось бы, отдаленными понятиями «молитва» и «труд». Какие смыслы придают молитве современные студенты? Молитва — это: труд ума и сердца (30% опрошенных); словесный текст (15%); повторение (10%); беседа с Богом (10%); форма служения (5%); терпение (5%); эмоция (5%); внутренний монолог (3%); самодисциплина (3%); система образов (2%); диалог с другим (2%); заучивание текста (1%) и т. д.

Все эти значения можно разделить на три типа: молитва как цель; молитва как процесс; молитва как инструмент. «Молитвенный труд» — это и образовательная цель, и педагогическая технология средневекового образования. «Молитвенный труд» — совокупность способов создания и функционирования, хранения и наследования, обучения и осознания, восприятия и осмысления. Молитва включена в процесс жизни человека и синкретична структурам его повседневности.

«Молитвенный труд» становится продуктивной образовательной технологией «обновления» человека, т. е. его «обращения», которая включает в себя работу со Словом, формирование эмоционального интеллекта, развитие памяти, становление самодисциплины и т. д., которые явились стратегиями «обновления» человека.

Достоинством средневековой педагогики, идеи и смыслы которой сконцентрированы в метафоре «молитвенный труд», является то, что она формирует цензуру внутренних нравственных запретов, от которой, к сожалению, отказалась современная школа. Образовательная медиавистика в условиях нового времени может быть продуктивно использована, поскольку пронизана транс- и интердисциплинарными методологическими течениями, способствующими актуализации этого наследия. Медиавистика давно и успешно занимается образовательной практикой в соотношении с общественными структурами. Образование при этом анализируется в совокупности со всеми дискурсами и духовными проявлениями, которые передают ему культурно-исторический опыт.

«Просветительское путешествие»

Само название эпохи — Просвещение и провозглашенный ею культ разума означают веру в безграничные возможности науки, открывающей человеку тайны мироздания. Универсальной образовательной метафорой этого периода можно назвать «просветительское путешествие».

Если следовать логике М. Фуко, предложившего анализировать каждую эпоху сквозь призму пространства, отношение к которому исторически менялось [9], то определяющей категорией характеристики пространства в Средние века была локализация, а после открытия Галилея ее заменила протяженность, ставшая критерием просветительского пространства. Путешествие — это перемещение, требующее значительного пространства и времени.

Именно в это время возникает просветительский роман, повествующий об истории возмужания и воспитания героя — молодого человека, проделывающего определенный путь развития, чаще всего в ходе сознательно организованного путешествия или из-за вызванной обстоятельствами частой перемены места жительства. Передвижение в пространстве позволяет ему активно вступать в соприкосновение с разными жизненными сферами, приобретая при этом позитивный или негативный жизненный опыт и вырабатывая собственную мировоззренческую позицию. Финальная сцена такого романа, как правило, знаменует переход «воспитуемого» в пору зрелости. Путешествие открывает не только новые страны, но и скрытые возможности человека, его внутреннее пространство.

Путешественник — универсальная метафора Другого. Вариантом путешественника выступает паломник (странник), идущий к земному центру святости; крестоносец (рыцарь) — путешественник в поисках идентичности; путешественник — это и бродяга, и враг, и гость [8].

Главное в путешествии — это вопрошание героя. Ответы на свои вопросы человек ищет в действии. Так, эпоха Просвещения рождает человека пути (путника) и человека перехода. В основе первого лежит идея постепенного развития, в основе второго — идея скачкообразного развития, прозрения. Путешествовать — значит двигаться, перемещаться в пространстве, которое может быть вымышленным, воображаемым, физическим, метафизическим и т. д. У всякого путешествия есть начало и конец, т. е. есть границы. Представление о границе — это представление о культурной норме как идеале, о наиболее полной степени воплощения культурной формы [7]. Граница — это та нравственная норма, которая определяется каждым человеком индивидуально. Суть просветительского путешествия как раз и заключается в раздвигании «горизонта человека», в «осуществлении перехода» к собственной человечности. Всякое путешествие предполагает возвращение к самому себе, поскольку подразумевает выход за собственные границы, на периферию личности.

Эпоха Просвещения рождает не только человека путешествующего (уходящего), но и человека возвращающегося. В ходе путешествия обновляется карта (геогра-

Школьный мастер Эслингена.

Источник: «Большая Гейдельбергская песенная рукопись»
(кодекс Manesse)

фическая, когнитивная и нравственная), ставятся новые ориентиры. Просветительское путешествие, описанное в самых разных вариантах в литературе XVIII в., является неким вариантом когнитивной карты, когда она вербализуется и вписывается в культурный контекст эпохи.

Просветительский роман — это экстериоризация опыта и знаний в виде текста, то есть «культурно-опосредованная ментальная когнитивная карта» [3, с. 44]. Человек получает знание и из собственного опыта, и путем усвоения опыта другого человека, потом используя его для решения собственных и общественных проблем.

Образовательное путешествие не предполагает наличие карты с нанесенными на нее правильными ориентирами и знаками. В отличие от географической, карта образовательная становится рефлексивной картой, своего рода продолжением человека (как телескоп — увеличенный глаз человека — является продолжением личности ученого, усилением его естественного органа). Образовательная карта — это и инструмент, при помощи которого человек фиксирует знания, и часть процесса воспитания. В такой карте находит отражение механизм, служащий для формирования личности. Просветительская литература демонстрирует примеры путешествий героя, в ходе которых происходит его становление, взросление. Это позволяет представить типологию

«просветительских путешествий»: «путешествие в семью», «путешествие в себя», «путешествие в культуру», «путешествие в сферу чувств», «путешествие в природу».

Просветительская литература, говоря о вариантах образовательных технологий, раскрываемых нами через метафору «просветительское путешествие», ставит еще один вопрос — об эффективной образовательной среде. Новая среда обучения эпохи Просвещения — это, во-первых, дорога, по которой герой странствует, познает себя и мир; во-вторых, это семья, дом, поскольку семейные традиции — один из аспектов формирования «культурного рефлекса», который позволяет человеку интуитивно выстраивать необходимую модель поведения, отношения к предметному миру; в-третьих, это театр, т. е. искусство как духовно-нравственное пространство.

Сегодня образовательный проект эпохи Просвещения приобретает новые формы. В конце концов, путь во внешний мир, куда так стремились просветители, возможен и через внутренний мир человека, его душу.

«Производственная мастерская»

Образовательная метафора «производственная мастерская» в смысловом отношении состоит из двух противоположных понятий: «производство» и «мастерская». В первое смысловое пространство входят такие понятия, как «техника», «стандарт», «повторяемость», «настоящее», «универсальность» и т. д.; во второе — «искусство», «творчество», «традиция», «уникальность» и т. д.

Человек XIX в. оказался «полем битвы» между философскими направлениями, которые стояли на совершенно противоположных позициях и расходились в понимании поступательного развития общества, а также взаимодействия с ним отдельной личности.

В это время выделяются основные составляющие человека: реальная, социальная, осознанная и идеальная личность. Приоритет отдавался социальной составляющей, что связано, прежде всего, с развитием производства. Важно учитывать, что при производстве (изготовление автомобиля или продажа билета) всегда реализуется очередность операций обработки исходных ресурсов, т. е. осуществляется технологический процесс. Любая производственная среда состоит из ряда взаимосвязанных элементов, которые функционируют согласованно для достижения цели.

Обучение как «производство человека». Начиная с XIX в. образование начинает напоминать производственный процесс, ориентированный на стандарт (и сегодня идея образовательных стандартов и жесткой координации действий учителя и ученика активно используется рядом университетов и определяет их гуманитарную парадигму [1]. Процесс обучения включает такое понятие, как «педагогическая технология». К основным идеям новой образовательной ситуации можно отнести: преобладание рациональных способов деятельности, приоритет естественных и точных наук,

упор на физический труд, установка на эксперимент в его естественнонаучном толковании. Стандартизация и технологизация обучения требует новой оценки успеваемости учащегося. Успеваемость — основной критерий результативности образовательного процесса, а оценка — проявление формы успеваемости, большего или меньшего соответствия заданному стандарту. Многие были усвоены советской школой начала XX в., в которой «процесс образования устроен по законам производства и должен обеспечивать, согласно общепринятой дидактике, реализацию образовательных, воспитательных и развивающих задач...» [6, с. 143]. Нравственный компонент встраивался в систему производства, не разрушая его основы, поскольку совместная деятельность людей требовала координации действий и полного взаимопонимания.

Промышленное производство рождает новые формы коммуникации, в том числе и образовательной, это «коммуникация риска». Образование становится более рефлексивным процессом, обязательным элементом которого является учет его социальных импликаций. Дефицит знания начинает компенсироваться использованием методов статистического анализа риска, применением гипотетических моделей. Производство и мастерская — это разные варианты образовательной среды, такое «общественное производство» или «педагогическая мастерская», в которых представлено единство всех планов жизни общества: материального, духовного, экономического, культурного, индивидуального и социального. Первая образовательная среда ориентирована на формирование инженерного типа мышления, вторая — художественного.

Производственная сфера способствовала разделению образования на гуманитарное и естественно-техническое. Так, в XIX в. в среднем образовании обозначились два направления: классическое (гуманитарное, общекультурное, историко-литературное) и реальное (практико-ориентированное, прикладное). Классическое образование было направлено на формирование «человека эстетического» и оказывалось задачей исключительно женского образования, реальное — «человека разумного», что связывалось с обучением и воспитанием мужчины. В связи с этим можно говорить об идеях немецкого социализма, занимающегося вплотную идеей реформации женского образования.

Получила распространение новая педагогическая идеология, ориентированная на изолированного индивида, который обучался с помощью одинаковых для всех методов и стандартных средств, что нивелировало инди-

видуальность, но включало человека в общий государственный порядок.

Обучение как «педагогическая мастерская» (опыт образовательного модерна). Проблема образовательного модерна до сих пор остается на периферии внимания, поскольку сама категория модерна ускользает от однозначных определений и несет в своей природе отказ от априорности и заданности. В отечественной традиции в термин «модерн» вкладывали уничижительный смысл, считая его декадентским, «буржуазно-упадочным». Это стало причиной того, что не возникло прочного основания выявления его коррелятов не только в сфере образования, но и даже в области художественного творчества.

Понятие «модерн» несет в себе идею культурного Ренессанса, а в понятии «модернизм» на первый план выступает мысль о будущем, отвергающем прошлое. Истоки образовательного модерна уходят в творчество прерафаэлитов. Прерафаэлизм занимает небольшой период в истории английского искусства (1848—1898), однако его влияние не исчерпывается только XIX веком.

Рассмотрение образовательного Текста в свете философско-эстетических исканий прерафаэлитов отчасти позволяет определить воздействие изобразительного языка эпохи на образовательный Текст, понять правомерность распространения категории стиля модерна на об-

Мастер алхимии диктует один из своих рецептов подмастерью (гравюра)

разовательное пространство. Изобразительные новации влекли за собой его перестройку, опирались на принципы и конструирующие искусства, исключали стандартизацию и повторение или копирование, поощряли творчество и стимулировали интерес к прошлой культуре. От поиска универсального «образовательная мастерская» прерафаэлитов перешла к стремлению к уникальности.

Если производство как образовательная среда формировало инженерный тип мышления, то мастерская была ориентирована на художественное конструирование, изготовление «штучного дизайна». Дизайн дополнял инженерное проектирование, его особенностью была связь с предшествующей традицией. «Образовательная мастерская» прерафаэлитов определила некоторые структурные и стилистические приемы «образовательного модерна»: декоративная интерпретация и эстетизация внешнего пространства человека, стилизация как попытка «скорректировать» внешний мир, усилив контраст природного и искусственного окружения, подчеркнутая визуальность, пластичность мышления (или «танцевальность мысли», ее орнаментальность как способ избежания однозначности, поиск смысловых нюансов и т. д.). Художественная пластика становится формой формирования пластичного мышления, т. е. гибкого, подвижного и динамичного процесса рождения понятий и суждений, улавливающих мыслительные оттенки в разных явлениях и фактах.

«Производственная мастерская» как универсальная образовательная метафора XIX в. и продуктивная педагогическая технология приводит к осознанию того, что диалектика образования, базирующаяся на технике и экономике, оказывается невозможной без идеализма, который адекватно выражен искусством.

«Гамельнский крысолов»

XX и начало XXI в. — время духовной революции, которая наступила вслед за революцией социальной, идеологической и технологической. Основной площадкой для преобразований в этот период выступает именно школа. Сосуществование противоречивых идей и отсутствие дуальных схем делает образовательный контекст XX в. более эвристичным, мозаичным и разновекторным, чем когда бы то ни было.

Образовательный Текст оказался разрушенным в XX столетии. Нельзя выделить одну определяющую его метафору, вроде той, которую мы назвали в образовательном пространстве античности или средних веков и т. д. Появилась множественность метафор, обусловленных разными векторами развития общества (например, спорт, труд). Таким образом, образование в XX в. лишилось определяющей концепции. Если попытаться как-то обозначить сложившееся положение дел, то новой метафорой может стать «гамельнский крысолов» [4].

«Гамельнский крысолов» — это манипулятор в образовании. Смысл этой новой метафоры состоит в том, что образование в XX в. становится манипулятивным. Оно перестало принадлежать личности, человеку, а стало рупором партии, класса, государства, политики, экономики и т. д., т. е. образование стало Текстом, который утратил свои четкие контуры (бесконтурным, бесформенным, но

многоаспектным). Образование уже формирует не столько человека, сколько его потребности. В результате возникает одномерный человек [5], иномирный собственной культурной традиции, несчастный, не способный адекватно оценить получаемую информацию, принимая все на веру и следуя в указанном направлении.

Множественность педагогических поисков XX в. не увенчалась успехом. В развитии образовательного Текста поставлена точка, от которой и надо вести новый поиск образовательных идей. Отношения между образовательными моделями, представленными в разные исторические периоды, диктуют необходимость формирования нового образа образования, который бы учитывал современный тип личности, с одной стороны, а с другой — ориентировался на те цели и ценности, которые были сформированы человечеством в процессе его историко- и социально-культурного развития.

Универсальные образовательные метафоры, на наш взгляд, не столько информируют о существующей культурно-исторической реальности эпохи, сколько отражают новые социальные, политические и экономические императивы, появляющиеся в каждый исторический период. Причем усиливающиеся коммерческие императивы, стоящие перед образованием сегодня, обуславливают все более консервативный характер производимых текстов.

Список источников

1. Бакштановский В.И. Университет как научно-образовательная корпорация: дуализм самоидентификации и выбор приоритета / В.И. Бакштановский, М.В. Богданов, Ю.В. Согомонов // Философские науки. — 2009. — № 3. — С. 91—95.
2. Валева Е.В. Аналоговая модель современного образования // Обсерватория культуры. — 2014. — № 1. — С. 96—101.
3. Емелин В.А. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2014. — № 2. — С. 42—52.
4. Легенды Европы: Летучий Голландец. Гамельнский Крысолов. Лорелея / пересказ С. Прокофьевой. — М.: ЭНАС-Книга, 2013. — 48 с. — (Мировая культура. Первое знакомство).
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. — М.: АСТ, 2002. — 526 с.
6. Овсянницкая Е.А. Педагогические субкультуры в российском образовании // Философские науки. — 2009. — № 5. — С. 136—145.
7. Смирнов С.А. Словарь антропологии перехода // Философские науки. — 2008. — № 12. — С. 97—119.
8. Суковатая В.А. Путешествие. Культурно-антропологический хронотоп Другого // Человек. — 2010. — № 2. — С. 48—64.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. — СПб.: А-сэд., 1994. — 408 с.